

В то утро.

Моя мать, которая ранее приняла известие о смерти моего отца и исчезновении моего старшего брата самым достойным образом, на какой только была способна, теперь била себя в грудь и кричала так, как будто у нее вырвали сердце. Когда я приблизился к ней, она отчаянно закрыла мне глаза.

[Не надо, не смотри, Липпе.]

[...!]

Через что прошел мой второй брат, что вся его кожа обуглилась до черноты? Его кости были согнуты и искривлены, а тело даже не осталось целым.

С того дня моя мать знала, что наша семья распалась.

Хотя она вела себя передо мной решительно, ее всегда тайно тошнило от того, что она ела. Даже если есть было нечего, ее рвало, и кровь поднималась к горлу и капала на одежду.

Когда до наших ушей донеслись звуки войны, я продолжала оставаться рядом с матерью. И в конце концов она скончалась.

[Липпи, дитя мое... Ты должна жить счастливо.]

Я больше не могла быть счастлива, нет, я никогда больше не смогу стать счастливой, но она оставила меня с этими словами, которые побудили меня жить дальше.

Возможно, именно поэтому я не могла просто пройти мимо ребенка, оставшегося без родителей, которого увидела на улице. Но даже несмотря на то, что я пыталась помочь, я все равно не смогла их спасти. Поэтому я воздвигла для них гробницу и спела песню, которая не была религиозной.

При звуке дождя мир затих, как могила, и я пела, мой голос слабо струился туда-сюда, постепенно затихая, сопровождая мир в его тишине. Я думала, что меня никто не слушает. Даже тот, кого похоронили.

[Какая прекрасная песня.]

Пока сквозь мрачный шум дождя не прорвался женский голос.

—

У Каллиопы были болезненные воспоминания, которые она никогда не сможет забыть.

Она обернулась, чтобы посмотреть назад, на своего кучера. Она могла видеть его сквозь яркие огни, которые мерцали между ними, когда она начала терять сознание. Казалось, он потянулся к Каллиопе, но по какой-то причине не мог дотронуться до нее, и она не могла ясно видеть его лицо. Сожалел ли он о том, что продолжал служить ей?

Сожалел ли он о том, что продолжал служить ей?

Ранее, когда она пыталась спасти ребенка, этот слуга пытался остановить ее.

[Вы не можете, миледи!]

Возможно, если бы она послушалась его, когда он пытался остановить ее от попыток помочь ребенку, она была бы в безопасности от любых шансов умереть. Но она была готова встретить свою смерть, если это означало, что она может помочь кому-то еще.

[Есть кое-что, что хуже боли, даже хуже смерти.]

Это были ее искренние слова. Потому что таково было убеждение семьи Рустишель.

[Это когда я больше не являюсь самим собой.]

Даже если она может умереть, ее убеждения не изменятся.

[Я жила, следуя дворянскому долгу всю свою жизнь. Так что, если я смогу помочь этому ребенку, даже ценой своей смерти.]

Она не пожалеет об этом.

[...Если убеждение миледи состоит в том, чтобы помогать и защищать других, то мое убеждение состоит в том, чтобы защищать вас.]

Он сказал эти слова, и теперь, когда она была окружена этим светом, покидая этот мир, разве он не сожалел о том, что продолжал служить ей? Что он тщетно пытался защитить ее?

Женщина перед ней улыбнулась, и узор света на земле под ней засветился только ярче, чем раньше. Свет накрыл их обоих, пока Каллиопа едва могла видеть что-либо еще снаружи. Когда она смотрела на свой теперь уже фрагментированный вид среди мерцающих огней, она вспомнила о своих сожалениях.

Были люди, которые показали свое истинное лицо, а также люди, которые предали ее и ее семью, но были и люди, которые погибли, защищая ее до самого конца. И после того, как все они умерли, слуга позади нее был единственным, кто остался. Ей следовало оставить слугу в живых, но вместо этого она втянула его в эту сложную ситуацию.

Если бы, если бы был хоть один, хотя бы еще один шанс, данный ей-

"Я сделаю тебе подарок, так что в будущем позволь мне еще немного услышать твой голос".

Женский голос зазвучал в ее голове. Голос продолжал звучать все резче и четче, и Каллиопа закончила озвучивать свое самое большое желание.

-Я не позволю никому из этих людей умереть.

"Тогда попытайся это изменить".

Это было последнее, что она услышала. Огни исчезли, и она погрузилась в темноту.

Было темно, без единого проблеска света. Но было также тепло, и у нее не было никаких мыслей о том, чтобы попытаться покинуть это место.

Каллиопа свернулась в клубок. Она почувствовала умиротворение, которого у нее не было уже много лет. Это было так, как если бы она снова оказалась в объятиях своей матери. Ей казалось, что она могла бы оставаться так вечно, в этом материнском тепле, потому что она

никогда больше не увидит свою мать. Она хотела продолжать оставаться здесь. Каллиопа жаловалась подобным образом, что было совсем не похоже на ее обычное поведение.

Но в этот момент непреодолимое давление начало выталкивать ее наружу. Как бы она ни сопротивлялась, это было бесполезно.

Я просто хочу остаться здесь! Я не хочу уходить! Я больше не хочу испытывать боль!

"Баааааааа!"

Баа..ааа?!

Неужели... неужели она только что заплакала "уа-уа-уа", как ребенок?

<http://tl.rulate.ru/book/112240/4261408>